

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ДВИЖЕНИЯ ТАЛИБОВ В АФГАНИСТАНЕ

Александр КНЯЗЕВ
МГИМО МИД России

Аннотация: В статье рассматриваются изменения, происходящие в движении талибов*, в сравнении с различными эпизодами из афганской истории. В том числе — их зависимость от Пакистана, вопросы фрагментации и консолидации в самом движении. Проводится сравнительный анализ приверженности талибов различным интерпретациям ислама и шариата в 1990-х гг. и после их второго прихода к власти в 2021 г. Автор анализирует динамику изменений политики талибов в сфере межэтнических отношений, а также проблемы их включения в жизнь афганского общества. Рассматриваются также взаимосвязи движения талибов с международными террористическими группировками. Автор обращает внимание на стереотипность взглядов в отношении талибов, широко распространенную в мире и препятствующую объективной оценке этого явления.

Ключевые слова: движение талибов, Афганистан, эволюция, традиционализм, религиозный радикализм, терроризм, этнополитика

Талибы и Пакистан: эволюция взаимоотношений

Помимо внутренних причин возникновения движения талибов на первом этапе их нахождения у власти (1996–2001 гг.) нельзя игнорировать и ряд внешних, среди которых нужно выделить участие Пакистана. Начиная с 1970-х гг., пакистанские пуштуны были глубоко вовлечены в ситуацию в Афганистане,

* Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

Александр Алексеевич Князев — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра евроазиатских исследований, Институт международных исследований, МГИМО МИД России; профессор кафедры международных отношений на постсоветском пространстве, СПбГУ.

ORCID: 0000-0002-8630-3365. E-mail: a.knyazev@inno.mgimo.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 11.07.2023

Принята к публикации: 03.08.2023

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке МГИМО МИД России в рамках гранта ИМИ № 2025-04-04.

и тенденция к их интеграции с афганскими пуштунами постепенно усиливалась. В условиях опасности фрагментации Афганистана возникала угроза общепуштунской консолидации и сепаратизма в самом Пакистане. Позже, с распадом СССР, этот вектор пакистанской политики был серьезно дополнен большим геополитическим интересом к открытию коридоров в направлении новых государств Центральной Азии, а также к проектам трансафганских энергетических коммуникаций (проект Трансафганского газопровода, позже переименованного в проект газопровода ТАПИ).

Эти и ряд других мотивов обуславливали потребность в создании в Афганистане подконтрольной военно-политической силы, способной взять на себя управление страной. Первоначальная ставка пакистанского руководства на Гульбетдина Хекматъяра себя не оправдала как в силу его низкой управляемости, так и из-за приверженности идеям пуштунского национализма и единства. В последующем лидер нового движения мулла Мохаммад Омар делал ставку исключительно на религиозные идеи, вероятно, опасаясь приоритета идеологии пуштунского национализма, так как утверждение этнического компонента в идеологии было чревато возникновением внутрипуштунских трайбалистских противоречий.

С сентября 1994 г. игра на внутриафганских противоречиях позволила добиться согласия кабульского правительства (Бурханутдина Раббани и Ахмад Шаха Масуда) на создание нового формирования, финансирование его правительством Пакистана и передачу под его контроль ряда провинций. Новое движение, ставшее затем известным как «Талибан», должно было выполнить задачу преодоления дефрагментации Афганистана и открытия транспортных коридоров в Центральную Азию.

В течение 1990-х гг. Пакистан являлся критически важным участником всей афганской политики, включая и самую непосредственную военную помощь движению талибов по установлению его власти в стране. В период оккупации Афганистана военными контингентами США и НАТО и существования сателлитного режима Хамида Карзая и Ашрафа Гани (2001–2021 гг.) территория Пакистана стала для движения талибов базой мобилизации, позволившей движению вновь прийти к власти в Кабуле в августе 2021 г. Но уже в этот период возникают эпизоды, в которых «Талибан» становится все менее подконтрольным, обнаруживается тенденция к новой форме консолидации и постепенной трансформации движения в субъекта национально-освободительной борьбы, выступающего против оккупационных сил и недееспособного правительства, отрицающего в том числе и зависимость от Пакистана.

Новый период, начавшийся в августе 2021 г., демонстрирует уже радикальное расхождение программных интересов «Талибана» с устремлениями Пакистана, рост конфликтности в отношениях талибов с ИРП. Движение талибов показывает способность к проведению достаточно самостоятельной политики, что создает, помимо прочего, запрос пакистанской внешней политики на концептуально новые подходы к афганскому направлению.

Племена, догматики и прагматики

Учитывая моноэтничность движения на первом этапе его существования, среди вопросов, связанных с объяснением феномена талибов, актуален вопрос о роли традиционной пуштунской элиты и элиты племен. Исторически пуштунские племена всегда имели высокую степень автономности от центрального правительства в Кабуле (Катков, 1989). Многолетняя война и политические эксперименты серьезно ослабили взаимную зависимость пуштунских племен и государства, что не противоречило интересам локальной пуштунской племенной элиты, из среды которой выдвигается ряд новых лидеров. В борьбе против Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) и советского военного присутствия активно участвовали лашкары, ополчение пуштунских племен. Как отмечал И.Е. Катков, «племенное ополчение всегда сохраняет значительную автономность и является лишь временным союзником той или иной армии – органа государственной власти» (Катков, 1989).

Разрушение институтов государства в ходе событий 1992–94 гг. сделало самостоятельность пуштунских племен и местных полевых командиров почти абсолютной. Отсутствие централизованных государственных институтов способствовало деморализации традиционной общенациональной пуштунской элиты. В 2001–2021 гг. очевидна попытка ее восстановления, но события августа 2021 г. вернули большинство традиционной элиты в эмигрантское состояние. Что касается трайбалистского фактора, то, забегаая вперед, можно уверенно утверждать, что нахождение у власти в любом случае потребует от движения талибов поиска компромиссных путей конвергенции традиционалистских племенных структур (из которых многие руководители талибов происходят и сами) с учреждаемой «сверху» системой централизованной власти в Кабуле.

Уже на первом этапе в движении талибов можно выделить критерии, позволяющие судить о неоднородности движения и его лидеров. Наиболее очевидное деление талибских лидеров можно провести по принадлежности к основным пуштунским кланам: гильзаи и дуррани, причем частично это деление совпадает и с другим – по региональному происхождению. Определенные различия и противоречия между южными и восточными пуштунами существовали еще с XVIII в., с образования афганского государства. Некоторые из известных талибских лидеров не относились (и не относятся) к племенам, входящим в объединения гильзаи или дуррани. Участие непуштунских представителей в тогдашней талибской элите исчислялось буквально единицами (Rashid, 2001).

В 1990-х гг. проявилось другое деление – по линии приверженности условной догматической программе и определенным прагматическим установкам. Прагматическое крыло 1990-х гг. стремилось проводить более гибкую и реалистичную линию во внешней и внутренней политике. Одним из принципиальных разногласий являлся подход к будущему государственному

устройству Афганистана. В отличие от муллы Мохаммада Омара, представители этой группы допускали существование конституционной монархии с сильным влиянием высшего духовенства, а также создание коалиционного правительства, которое состояло бы из участников джихада против советских войск. Прошли даже безрезультатные переговоры с представителями этой группы элиты – Сибгатуллой Моджадади, Наби Мохаммади, Юнусом Халесом и Сейидом Ахмадом Гейлани, заодно имевшие целью формирование единого пуштунского фронта против правительственной коалиции, где доминировали таджики. Однако после смерти лидера прагматической фракции, муллы Мохаммада Раббани в апреле 2001 г., позиции прагматиков в руководстве талибского движения были серьезно ослаблены. Наряду с фактором внешней изоляции, это способствовало дальнейшей радикализации движения в целом.

Потенциал «Талибана» в его конструктивном измерении после 15 августа 2021 г. зависит от большого числа факторов, среди которых необходимо выделить единство в руководстве движения как фактор его общей и всесторонней эффективности. Как и в 1990-х гг., в движении существует определенная фракционность, решающее значение имеют две условные «партии», обозначить которые теперь представляется наиболее точным как «умеренные традиционалисты» и «радикальные традиционалисты». При этом представляется, что говорить нужно именно о традиционализме как ведущем элементе их программных установок, а не о степени религиозного радикализма.

К «радикальным традиционалистам» необходимо в первую очередь отнести лидера движения эмира Хайбатуллу Ахундзаду и его преимущественно религиозное окружение. «Умеренных» представляют и. о. министра внутренних дел Сираджуддин Хаккани, вице-премьер-министр Абдул Гани Барадар и заместитель министра иностранных дел Шер Мохаммад Аббас Станекзай (были среди прагматиков в правительстве 1990-х гг.), а также и.о. министра обороны мулла Мохаммад Якуб. Естественно, что подобные характеристики основаны преимущественно на анализе публичных выступлений, лишь косвенно позволяющих отнести к лагерю «умеренных» того или иного функционера движения. В целом способность умеренного и более прагматического крыла к доминированию в руководстве движения при принятии наиболее принципиальных и компромиссных решений внешне мало проявляется на страновом уровне, но зачастую реализуется на уровнях региональных. Безусловно, вопрос соотношения центральной и региональных властей – вопрос будущего Афганистана, но до сих пор в стране и за ее пределами не были предложены механизмы воплощения такой конфигурации управления, равно как и механизмы обеспечения искомой инклюзивности.

И в руководстве движения, и на местных уровнях происходит постоянная межфракционная борьба, которая, безусловно, влияет на принятие и реализацию решений от имени движения и правительства. Тем не менее, можно сделать вывод о том, что в перспективе нескольких лет движение талибов сохранит свою власть, удерживая страну в переходном периоде из-за ограниченных ресурсов и продолжающегося давления и влияния внешних сил.

Существование внутреннего соперничества фракций за получение политической власти и достижение общенационального влияния можно, конечно, рассматривать как условие формирования какого-то внутреннего конфликта. Но необходимость выживания режима является первоочередной задачей всех фракций внутри движения талибов, и это останется наиболее важным сдерживающим фактором в краткосрочной перспективе.

Безусловно, некоторое влияние на фракционность в движении талибов продолжает оказывать трайбалистский фактор. И если основные позиции в руководстве в 1990-х гг. занимали представители южных пуштунов (в основном из Кандагара и Гильменда), то в новом руководстве очень сильны позиции и восточных пуштунов. К ним относятся, в частности, Сираджуддин Хаккани и Шер Мохаммад Аббас Станекзай, а Абдул-Салам Ханафи (если его условно отнести к фракции, оппозиционной по отношению к эмиру) — этнический узбек. Сам по себе позитивный, рост представленности восточной пуштунской элиты в руководстве усложняет поиск компромиссных решений, учитывая авторитаризм в стиле руководства эмира Хайбатуллы Ахундзады. Заметно, что он шаг за шагом укрепляет свои позиции и практически превратил Кандагар в главный центр власти и управления страной. Очевидно и то, что это не просто духовное руководство. Для эмира Ахундзады укрепление власти движения внутри Афганистана является приоритетом по отношению к взаимодействию с внешними акторами.

Наряду с задачей консолидации в руководстве движения и сохранением способности к принятию общих решений, важной проблемой движения талибов является преодоление низкой эффективности системы государственного управления. Наиболее очевидным механизмом является вовлечение в систему управления на всех ее уровнях профессиональных кадров чиновников-управленцев. Эта проблема решается, хоть и медленно, на провинциальном и районном (улусволи) уровнях, но актуальным остается ее ускорение. Первоочередной задачей и главным фактором сохранения существующего, пусть и относительного, уровня стабильности является недопущение эскалации процессов военно-террористического характера, снижение уровня насилия в стране в широком смысле.

Салафитский дискурс и эволюция шариатской модели

Внешняя изоляция в период первого нахождения талибов у власти способствовала как радикализации самого движения, так и его интеграции с международными террористическими структурами. Изгой на мировой арене, «Талибан» оказался жизненно заинтересован в поддержке всех антисистемных сил в мусульманском мире (в том числе и террористических). Те, в свою очередь, в немалой степени способствовали радикализации и непримиримости движения как внутри страны, так и на мировой арене» (Умнов, 2002).

Существуют оценки, согласно которым к середине 1990-х гг. только среди арабских «ветеранов Афганистана» насчитывалось около 5000 саудовцев, 3000 йеменцев, 2800 алжирцев, 2000 египтян, 400 тунисцев, 370 иракцев,

200 ливийцев и десятки иорданцев (Кудрявцев, 2003). Зачатки этого альянса сложились еще в 1980-х гг., а ситуация 1990-х гг. вывела его на новый, во многом противоречивый, уровень.

«Борясь с коммунистами, ваххабиты сумели пустить довольно прочные корни в стране. "Жесткий" арабский ваххабизм был дополнен более "мягким" афганским вариантом. Хотя все местные этнические группы в той или иной степени поддерживали ваххабитов, их главной базой были пуштуны, традиционно объединявшие афганцев в единое целое. Крах коммунистического режима нанес сильнейший удар как по местным, так и по иностранным ваххабитам. Прежде их концепция исламской революции в глазах подавляющего большинства афганцев выглядела мощным средством мобилизации и самозащиты традиционного общества. Теперь же она объективно угрожала взорвать это общество, причем более эффективно, чем это пытались сделать коммунисты. Ведь в отличие от них ваххабиты апеллировали к исламу. В результате ваххабизм начал быстро терять позиции. Его афганские последователи растворились среди населения, иностранные же оказались в изоляции» (Умнов, 2002).

Соглашаясь, отметим, что правильнее говорить не только о ваххабизме, но и о салафизме. В любом случае, арабское влияние, тянущееся из 1980-х гг., породило еще один, внешне практически не определяемый, но существующий раскол среди талибов: по приверженности к отличающимся друг от друга религиозным интерпретациям (традиционной для Афганистана классической деобандской и привнесенной с Ближнего Востока салафитской).

Радикальный религиозный дискурс оказывал наиболее значительное влияние на внутреннюю политику движения во второй половине 1990-х гг., достигнув кульминации к началу военного вторжения США и НАТО осенью 2001 г. Обратная эволюция движения в этом вопросе происходила уже в период 2001–2021 гг. «Тесные связи "Аль-Каиды"* с талибами могли под идеологическим влиянием джихадистов привести к еще большей радикализации и смене повестки дня движения "Талибан". К счастью, этого не произошло. Афганские талибы, наоборот, постоянно предпринимали усилия, чтобы придать своему движению исключительно национальный, общеафганский характер, привлекая в свои ряды представителей разных этнических групп Афганистана, в том числе даже шиитов-хазарейцев, что свидетельствовало об отказе талибов от антишиитской политики» (Мачитидзе, 2022).

Доминирующий религиозный формат естественным образом определяет и выбор правовой системы — как в талибском эмирате 1990-х гг., так и после августа 2021 г., хотя практики его применения в эти периоды существенно отличаются друг от друга. Применительно к 1990-м гг. Р.Р. Сикоев фиксирует, что изначально «шариатская юриспруденция Исламского Эмирата в основу своего правосудия положила принцип талиона — кисас ("возмездие", "равное

* Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

воздаяние”), который мог реализовываться в различных формах наказания». Он цитирует кабульскую прессу того периода (газета «Иттифаки ислам»): «Приведение в исполнение кисаса, разработанного для общественной пользы и защиты обездоленных и бесправных слоев населения, является величайшим сдерживающим фактором для всякого рода преступлений, развратных и греховных поступков. Каждое осуществление кисаса — это уверенный и твердый шаг в сторону построения общества, далекого от насилия и агрессивности» (Сикоев, 2004). В первую очередь речь шла о возрождении таких средневековых видов наказаний, как побивание камнями лиц, уличенных в прелюбодеянии (что часто было весьма сомнительно, ибо согласно предписаниям Корана требовалось не менее четырех свидетелей, которые подтвердили бы этот факт); отсечение рук и ног вора и грабителям или битье их кнутом, иногда до смерти; казнь убийц через повешение и т.п., причем совершаемых публично при стечении народа, насильно сгоняемого к месту экзекуции (Давыдов, 1998).

Иная картина складывается в период с августа 2021 г.: возможно и необходимо отметить почти полный, за редкими единичными исключениями, отказ администрации «Талибана» от прежней практики применения архаичных методов судебных наказаний по традиционным шариатским категориям худуд, кисас и тазир (Манна, 2004).

В той же религиозной плоскости находятся действия по регламентации жизни, включая и решение «женского вопроса», касающееся, в частности, сферы образования. Вообще апелляции талибов к исламским первоначальным ценностям и консервативным жизненным нормативам на первом этапе их руководства страной были спокойно восприняты большинством населения. Только в больших городах определенное недовольство вызывали введенные шариатские нормы.

Впрочем, в этом ничего нового в глубоко религиозной стране и не было, подобное в истории Афганистана происходило не единожды, особенно после периодов, отмеченных каким-либо повышением уровня светскости. Еще Бачаи Сакао (Хабибулла Калакани), захвативший власть в 1929 г., на фоне предшествующей политики модернизации и вестернизации, проводившейся эмиром Аманулло-ханом, первым делом издал указ, согласно которому запрещалось ношение «кафирской» одежды. Разрешались только «исламская» одежда и чалма, запрещалось бритье бороды и усов, категорически возбранялось употребление вина. Особое внимание в указе Бачаи Сакао уделялось упразднению всех «нерелигиозных» наук. Указы муллы Мохаммада Омара в 1990-х гг. в точности повторяли требования фирмана Бачаи Сакао. Руководство движения с первых дней своего появления в Афганистане также потребовало от населения носить только национальную одежду, а наличие бороды было объявлено «исламской обязанностью». Указы талибов 1990-х гг. об обязательном ношении индусами отличительного знака лишь повторяли фирман эмира Хабибуллы, правившего в 1901–1919 гг., предписывавшего «индусам носить желтую головную повязку, а шиитам — красную».

Мало чем отличались от талибов и их непосредственные предшественники — моджахеды (таджикская партия «Джамиати Ислами», основа будущего «Северного альянса») — по части введения всевозможных запретов и ограничений, касавшихся женского населения страны. Из фетвы Верховного суда Исламского государства Афганистан от 27 августа 1993 г.: «...Мусульманские женщины нашего исламского государства по-прежнему продолжают работать в правительственных учреждениях, школах, на радио и телевидении. Они по-прежнему расхаживают по базарам без исламского покрывала. Таким образом, никаких перемен по сравнению с прошлым не наблюдается. В связи с этим выражается серьезное и настойчивое требование ко всем ответственным государственным лицам принять незамедлительные практические меры по претворению в жизнь всех божественных указаний, особенно в части, касающейся ношения чадры и устранения женщин из государственных учреждений. Женские школы, на деле являющиеся рассадниками прелюбодеяния и проституции, надо закрыть, а всех женщин с радио и телевидения уволить» (Сикоев, 2004).

Особое место в администрации «Талибана» отводилось и отводится системе карательных органов, среди которых важно отметить «Амр бе маруф ва нахи аз мункар» («Повеление благого и запрет предосудительного»), выполнявшего и выполняющего функции исламской «полиции нравов». Но в новый период нахождения талибов у власти функциональность этого органа претерпевает существенные изменения: заявляется о его направленности только на поведение государственных служащих и сотрудников органов безопасности, хотя, конечно, во многом эта норма относится к исполняемому частично.

Национальный вопрос

Характеристики «Талибана» были бы неполными хотя бы без контурного определения состояния и развития этнополитической ситуации в стране, как и политики движения талибов в этой сфере. В этом плане образование движения «Талибан» может рассматриваться как симметричный ответ пуштунов, исторически доминировавших во властной элите афганского общества, на возникший политический вызов этнических меньшинств. Например, Ю.В. Босин рассматривает в качестве причины внутриафганского конфликта и, как следствие, возникновения движения «Талибан» сугубо этнический фактор, ссылаясь на то, что «противоборствующие силы организованы по этнической принадлежности и провозглашают целью своей борьбы защиту интересов своего этноса или этнической группы» (Босин, 1999). Один из видных идеологов панпуштунизма, бывший профессор Кабульского университета Осман Рустар Тараки, прямо называет конфликт между талибами и антиталибской коалицией «выяснением этнических отношений» и выражает надежду, что талибы силой заставят «наильников и мятежников» соблюдать принципы демократии (Сикоев, 1999).

Объединение всех этносов и племен на базе исторически сложившейся государственности под флагом унитарного Афганистана, как вариант решения национального вопроса в период формирования страны в современных границах, был источником дополнительной напряженности еще в XIX в. Антипуштунские настроения среди национальных меньшинств провоцировали целый ряд локальных восстаний и поддерживали идеи этнических сепаратистов в конце XIX в. и на протяжении XX вв. Впрочем, этнополитический баланс, начинавший формироваться на рубеже XIX–XX вв., выстраиваемый по модели гегемонистского доминирования в сочетании с исторически установившимися, естественными механизмами интеграции и ассимиляции, создавал условия для постепенного преодоления трайбалистских и этнических противоречий в процессе модернизации афганского национального государства. В то же время модернизационные попытки вступали в противоречие со собственным всем без исключения этносам традиционализмом и религиозным консерватизмом.

Созданное через полулегитимные механизмы правительство Бурханутдина Раббани, приступившего к исполнению обязанностей временного президента 28 июня 1992 г., продлило свои полномочия в 1994 г. через решение Верховного суда Исламского государства Афганистан, провозглашенного после свержения правительства президента Мохаммада Наджибуллы. В феврале 1995 г. Раббани сделал заявление о продлении своих полномочий «до устранения опасности вооруженного захвата власти движением “Талибан”». На основании этого заявления правительство Раббани считалось легитимным вплоть до осени 2001 г.¹ Президентство Бурханутдина Раббани в 1990-х гг., несмотря на формальное назначение премьер-министром пуштуна Гульбетдина Хекматяра, актуализировало в пуштунской среде негативный исторический опыт, а заодно и настроения пуштунского национализма. Это, в свою очередь, и создало ту негативную националистическую матрицу, на которой преимущественно основывались действия талибов того периода в отношении национальных меньшинств. Аналогично, но уже и с религиозной составляющей – непризнанием джафаритского мазхаба – выстраивалось и отношение к шиитам-хазарейцам.

К 2021 г. в движение были вовлечены многие локальные боевые единицы из узбеков, хазарейцев, туркмен и таджиков. Несмотря на существующие внешние оценки низкой инклюзивности созданных талибами органов власти, теперь нужно отметить (несмотря на, безусловно, присутствующие диспропорции представленности) гораздо больший уровень вовлеченности представителей этнических меньшинств в органы власти на разных уровнях.

¹ История Афганистана знает два случая, когда государство, созданное на основе пуштунского этноса с его государствообразующей ролью, было возглавлено представителем непуштунского этноса. Первым таким лидером был Хабибулла Калакани (Хабибулла Гази или Бачаи Сакао), продержавшийся у власти с января до октября 1929 г. Тогда за короткое время страна оказалась на грани распада, что было остановлено протестом, который возглавил Надир Шах из пуштунской династии рода баракзай.

Внешнее восприятие «Талибана» и проблемы его внутренней социализации

После прихода к власти в Афганистане движения талибов 15 августа 2021 г. основной дискурс общественного мнения, а также оценок политиками, военными, экспертами в изучении сферы безопасности в афганском контексте оказался сосредоточен преимущественно на явлениях терроризма и религиозного радикализма. Другой из актуальных дискурсов этого периода — консерватизм и архаизация, якобы грозящие афганскому обществу.

Естественно, что, находясь под многолетним воздействием широко распространенных стереотипов, второй из названных дискурсов происходит в основном в рамках европоцентричного восприятия афганской действительности. Для европоцентричного мировоззрения (преобладающего, в частности, в России, да и во всем русскоязычном пространстве) большое число внешних проявлений той культурно-цивилизационной модели, которая предлагается «Талибаном», представляется архаичным, радикальным и в целом воспринимается преимущественно в негативных коннотациях.

Известно, что стереотипы создаются путем простого повторения связки «свойство-группа» или «свойство-человек». Настойчивое упоминание о «Талибане» с изначально заданными его характеристиками формирует в общественном мнении соответствующее стереотипное восприятие явления. Конечно же, эта стереотипная информация во многих случаях и постепенно все более является средством манипулирования представлениями о происходящем в Афганистане в политических целях. В случае с Афганистаном работает и еще один важный механизм. В 1990-х гг. в силу крайней ограниченности информации из страны широко тиражируются информационные сообщения с негативной окраской, а СМИ становятся важнейшим из источников информации об Афганистане, в том числе и в экспертных кругах. По мере же расширения информационного пространства, массового распространения интернета технологии манипулирования посредством тиражирования тех или иных интерпретаций все более становятся одним из важнейших ресурсов информационных противостояний.

Объективно же само возникновение «Талибана» является отражением конфликта цивилизационного и социокультурного типа. Это феномен, образовавшийся на противоречиях между традиционным и раннемодернистским укладами, в том числе — между городским урбанизированным и консервативным сельским населением (Князев, 2021). Рассмотрение в социокультурном ключе позволяет оценить движение «Талибан» как в определенной степени асимметричный ответ на изменившиеся к началу 1990-х гг. афганские реалии: после модернизационных экспериментов президента Мохаммада Дауда и реформы НДПА социалистической направленности.

К началу 1990-х гг. Афганистан в его транзитном состоянии после падения режима НДПА (1978–1992 гг., в 1990–1992 гг. под названием партия «Ватан») представлял собой зону диффузии нескольких цивилизационных типов — тра-

диционного, раннемодернистского с элементами индустриального общества, что и объясняет произошедшее в рассматриваемый период резкое снижение роли традиционных лидеров. Подобно «красным кхмерам» в Камбодже или китайским хунвейбинам, боевики «Талибана» отражали подозрительность и враждебность угнетенных деревенских (а также маргинальных городских) слоев к городской жизни, образованию, культуре и технике. Процесс разложения традиционного общественного строя и обновление социальной стратификации спровоцировали противодействие процессам модернизации, воплощением которого и стало движение «Талибан». М.А. Конаровский еще в 2014 г. отмечал, что любой «будущий режим в Кабуле будет исламским с консервативно-традиционалистским уклоном» (Конаровский, 2014). Не игнорируя внешне- и внутривнутриполитический, социально-экономический и этнический факторы, этот тезис также может быть применен к объяснению самого феномена талибов, беря во внимание и исторически обусловленную особую восприимчивость афганского общества к радикальным религиозным идеологиям.

Говоря о вопросах общественного контроля и поведения талибов в отношении населения после 15 августа 2021 г., необходимо понимать, что преодоление партизанской модели поведения в довольно фрагментированной и разнообразной среде участников движения не может быть достигнуто одномоментно. Способность руководства «Талибана» контролировать поведение низовых звеньев движения сама по себе относится к числу важных факторов стабильности и развития. Невысокая управляемость подобного рода была свойственна многим социально-политическим движениям в период и после прихода к власти: например, в период гражданской войны в России 1917–1922 гг. или в событиях революции на Кубе в 1957–1959 гг. и затем до 1966 г. «Талибан» – это иррегулярное движение, еще в период до прихода к власти его характеризовало отсутствие строгой пирамидальной иерархии и какой-то жесткой дисциплины.

Попытки ввести в действие некое подобие дисциплинарного устава (*Layha*), включавшие в себя и нормативы поведения по отношению к гражданскому населению и к пленным, предпринимались в «Талибанах» трижды: «Лайха» образца августа 2006 г. содержала 39 правил или норм, в 2009 г. – уже 67 правил, в 2021 г. – 85 правил (Мунир, 2011). Кроме того, в мае 2017 г. было опубликовано новое руководство о том, как следует вести джихад. В книге под названием «*Муджахедино та де Амир уль-Муменин Ларшоуэне*» («Инструкции моджахедам от командующего верными») эмир Хайбатулла Ахундзада напоминает членам движения о том, что «джихад – это не бой, бессмысленный и беспощадный», а четкие правила поведения, основанные на религиозном праве, шариат-совместимые и защищающие от «экстремизма и небрежности» (ифрат и тафрит). Однако вынужденная и естественная в тот период децентрализация управления, сквозное делегирование полномочий по вертикали всей военной структуры движения не способствовали исполнению такого рода директив. После августа 2021 г. перед руководством «Тали-

бана» стоит задача отойти от былой иррегулярности в сторону поведенческой регламентации для всех участников движения. И это одно из объективно существующих и актуальных условий для долговременного утверждения движения талибов как политической основы государственного устройства страны, стабилизации, социально-экономического восстановления и развития Афганистана.

Международные террористические группировки в Афганистане и движение талибов: к оценке взаимоотношений

В оценках взаимодействия движения «Талибан» с действующими в стране террористическими группировками очень часто присутствует упрощенный стереотипный подход политиков, военных, экспертов, считающих их частями некой глобальной террористической сети, прямо и тесно связанными между собой. Такой подход распространен и в России, и в других странах. В рамках этого подхода зачастую утверждается и отсутствие принципиальной разницы между талибами и, например, ИГИЛ (Сугралинов, 2016). Этот подход можно охарактеризовать и как во многом инерционный, заимствованный из 1990-х гг. и не учитывающий происходящих изменений как в самих этих организациях и движениях, так и в сфере международного терроризма в целом. В этом плане необходимо поддержать точку зрения Г.Г. Мачитидзе: «Суждения о тождественности "Аль-Каиды" и "Талибана" должны подвергаться тщательной проверке на предмет достоверности полученных сведений, их соответствия сложности взаимоотношений этих двух структур в динамике с учетом меняющихся обстоятельств. Научно-практическая значимость такого подхода состоит в том, что только на основе объективного анализа взаимоотношений этих двух организаций может прежде всего строиться политика в отношении нового режима талибов, его готовности бороться с террористическими проявлениями на афганской земле» (Мачитидзе, 2022). Анализ активности всех действующих в Афганистане террористических группировок к осени 2022 г. позволяет распространить эту оценку с «Аль-Каиды»* и на ИГИЛ*, и на все другие группировки, присутствующие в стране.

По данным *Congressional Research Service*, весной 2022 г. на территории Афганистана действовали не менее семи террористических организаций*: «Аль-Каида», ячейка «Аль-Каиды» на Индийском субконтиненте, «ИГИЛ-Хорасан», «сеть «Хаккани», Исламское движение Узбекистана (ИДУ), «Техрик-е Талибан Пакистан», Исламское движение Восточного Туркестана (ИДВТ)². Эта информация представляется относительно объективной, хотя и нужно учитывать специфику подхода: движение «Талибан» в США законодательно не считается террористической организацией, зато так называемая «сеть Хаккани»

² Terrorist Groups in Afghanistan. *In Focus*. Congressional Research Service. April 19, 2022. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R45122> (accessed 15 September 2022).

* Организации, деятельность которых запрещена на территории Российской Федерации.

выделяется как отдельная организация. В реальности «сеть Хаккани» является частью движения талибов, что косвенно подтверждает присутствие лидеров «сети Хаккани» в руководстве «Талибана» и в созданном им правительстве в Кабуле. Напротив, «Техрик-е Талибан Пакистан» в США считают фракцией афганского «Талибана», хотя де-факто это самостоятельная пакистанская организация, использующая в названии успешный бренд «Талибана».

При оценке вероятности эскалации военного конфликта в стране ИГИЛ-Хорасан нужно рассматривать как структуру, содержащую наибольший потенциал террористической угрозы. Ее расхождения с движением талибов существуют во многих аспектах, имеющих принципиальное значение. Один из важных доктринальных пунктов – отличия в географическом целеполагании и видении государственного устройства будущего. Религиозно-идеологические противоречия и различная трактовка религиозных практик также противопоставляют их друг другу. Но, вероятно, главным пунктом взаимных антагонизмов являются стратегические установки как ИГИЛ, так и движения талибов на установление собственной монополии на власть. Еще один из важнейших аспектов противостояния состоит в том, что ИГИЛ был и остается внешним проектом для Афганистана, в то время как созданный в свое время при весомом участии внешних сил «Талибан» за время своего существования серьезно трансформировался в политическую силу национального, внутри-афганского характера.

В отчете Группы ООН по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями в отношении «Талибана» и связанных с ним физических лиц от июня 2021 г. отмечается, что ИГИЛ-Хорасан *«сохраняет основную группу примерно от 1500 до 2200 бойцов в районах провинций Кунар и Нангархар, вынуждена децентрализоваться и состоит в основном из ячеек и небольших групп [...] группы, расположенные в Бадахшане, Кундузе и Сарипуле в основном состоят из местных этнических таджиков и узбеков»*³. Активность ИГИЛ-Хорасан в Афганистане после 15 августа 2021 г. в большей мере сосредоточена на проведении точечных атак (наиболее часто это подрыв самодельных взрывных устройств), направленных против мест скопления шиитов (мечети) и / или функционеров движения талибов. ИГИЛ преподносит себя в качестве главного соперника администрации, сформированной «Талибаном», а главная цель группировки – показать неспособность талибов обеспечить безопасность в стране и, нападая на дипломатические представительства, подорвать отношения между «Талибаном» и соседними странами.

Движение талибов как до прихода к власти, так после этого является основным актором противодействия и террористической деятельности, и вообще присутствию на территории страны отрядов ИГИЛ-Хорасан. Но в любом

³ Twelfth report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team submitted pursuant to resolution 2557 (2020) concerning the Taliban and other associated individuals and entities constituting a threat to the peace stability and security of Afghanistan. S/2021/486. P.13. (accessed 15 September 2022).

случае ИГИЛ остается транснациональным актором, несмотря на свою эволюцию в Афганистане, содержащим прямую угрозу регионального и международного характера, хотя масштаб этих угроз зачастую гипертрофирован.

В том же отчете Группы ООН отмечается, что численность «Аль-Каиды» в Афганистане, включая ее ответвление *«Аль-Каида на субконтиненте Индостан»*, составляет *«от нескольких десятков до 500 человек, ... сообщение между высокопоставленными должностными лицами «Аль-Каиды» и «Талибана» в настоящее время происходит нечасто»*⁴.

Выделение в качестве самостоятельных субъектов «Исламского движения Узбекистана», «Исламского движения Восточного Туркестана», и тем более таких организаций, как «Союз исламского джихада» (СИД, известный и под названиями «Джамаат аль джихад», «Исламский джихад Узбекистана», «Исламский джихад – Джамаат моджахедов»), «Джамаат Ансаруллах», неких группировок под названиями «Талибан Центральной Азии», «Моджахеддины Центральной Азии»*, вряд ли выдержит критику. Все эти малочисленные группы могут представлять ограниченный интерес только как гипотетические источники рекрутирования боевиков в реальные структуры ИГИЛ-Хорасан, нежели как самостоятельные террористические единицы. Но ограниченность и потому зачастую сомнительный характер значительной части информации о террористических структурах диктует необходимость большой осторожности в выводах и оценках, помня о возможностях современного информационного манипулирования.

В случае какого-либо существенного снижения уровня военно-политической стабильности определенную угрозу может представлять собой вероятность объединения на основе критерия наличия «общего врага» двух основных противников «Талибана»: антиталибских и террористических группировок. Сложившиеся за несколько десятилетий военно-политические традиции в стране допускают самые разнообразные конфигурации, способные меняться чрезвычайно динамично. В случае новой дестабилизации Афганистана по линии «Талибан» – «антиталибские силы» может усилиться проникновение на территорию Афганистана дополнительных сил неафганских (международных) террористических группировок, например «Аль-Каиды» или ИГИЛ. При таком сценарии развития событий существует угроза инволюции и радикализации части его отрядов, фрагментации самого «Талибана», возвращения Афганистана в существовавший в 1990-х гг. статус убежища для террористических и экстремистских организаций из стран Центральной и Южной Азии, Среднего Востока, России и КНР. Важно, что любые возможные варианты новой эскалации в стране возможны только при внешнем вмеша-

⁴ Twelfth report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team submitted pursuant to resolution 2557 (2020) concerning the Taliban and other associated individuals and entities constituting a threat to the peace stability and security of Afghanistan. S/2021/486. P.16. Available at: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N21/107/61/PDF/N2110761.pdf?OpenElement> (accessed 15 September 2022).

* Организации, деятельность которых запрещена на территории Российской Федерации.

тельстве: специфика всей новой и новейшей истории Афганистана обусловлена высочайшей ролью внешнего манипулирования внутриафганскими процессами путем управления существующими конфликтами.

Типологизация «Талибана» и перспективы стабильности в стране

Движение талибов квалифицируется во многих странах, включая и Россию, как террористическое; в России — на основании решения Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 г.⁵ Кроме того, отношение к движению талибов в международно-правовом поле определяется Советом безопасности ООН, начиная с резолюции 1214 в 1998 г. и последующим санкционным перечнем Комитета Совета Безопасности в соответствии с резолюциями 1267 (1999), 2253 (2015); ряд санкционных мер был сформулирован в 2002 г.⁶ Резолюция 2255 в 2015 г. подтвердила *«меры по замораживанию активов, запрету на поездки и введению оружейного эмбарго в отношении физических лиц, групп, предприятий и организаций, связанных с «Талибаном»*⁷.

Превращение движения талибов в системообразующий фактор государственного управления в Афганистане создало ситуацию, когда санкции де-факто оказываются распространены на все население страны. Эту ситуацию не меняет даже резолюция о *«гуманитарном исключении»* из режима санкций в отношении «Талибана», принятая в декабре 2021 г., согласно которой предоставление средств на оказание гуманитарной помощи Афганистану не является нарушением требования о замораживании всех активов талибов⁸.

Вместе с тем движение талибов имеет в Афганистане весьма широкую социальную базу, отражая как социально-экономические, так и мировоззренческие установки своего сегмента электората. Этим объясняется во многом и тот факт, что движение устойчиво сохраняло и последовательно усиливало свои военно-политические позиции после начала интервенции в страну США и НАТО в 2001 г., а в 2021 г. сумело взять под полный контроль управление страной и удерживать его уже продолжительное время. Среди позитивных изменений в стране к началу 2023 г. необходимо отметить прекращение масштабного вооруженного конфликта и иностранной оккупации, в результате чего значительно сократилось количество жертв среди мирного афганского населения. К осени 2022 г. можно, вероятно, говорить о фрагментарном достижении внутренней легитимности новой власти: существует управляемость регионов, частично преодолена коррупция в государственных учреждениях. Нужно согласиться с тем, что талибы «достаточно эффективно задавили попытки вооруженного сопротивления (хотя кое-где антитаалибское подполье

⁵ Национальный антитеррористический комитет Российской Федерации. Судебные решения. Решение Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 г. N ГКПИ 03-116.

⁶ Резолюция 1390 (2002), принятая Советом Безопасности на его 4452-м заседании 16 января 2002 года.

⁷ Резолюция 2255 (2015), принятая Советом Безопасности на его 7590-м заседании 21 декабря 2015 года.

⁸ Резолюция 2615 (2021), принятая Советом Безопасности на его 8941-м заседании 22 декабря 2021 года.

сохраняется), монополизировали власть, снизили влияние разнообразных негосударственных центров силы (региональных, криминальных и других) и достаточно эффективно администрируют внутреннюю хозяйственную жизнь в Афганистане» (Сафранчук, 2022).

Очевидно, что основным фоном для всех деструктивных процессов в стране является и будет оставаться в перспективе сложная социально-экономическая ситуация, связанная как с последствиями оккупационного статуса Афганистана в 2001–2021 гг., так и с действующими ограничителями извне, главным из которых являются заморозка валютных авуаров правительства западными финансовыми институтами, действующие в отношении движения талибов санкции (в частности, ограничения по финансовым транзакциям). Важна и сохраняющаяся неустойчивость в сфере безопасности с точки зрения привлечения внешних финансово-экономических партнеров, что прямо взаимосвязано с уровнем общей стабильности в стране, оцениваемым как недостаточный.

Среди важных характеристик движения талибов нужно отметить стремление к утверждению в стране необходимого уровня стабильности и восстановлению системы государственного управления. При этом налицо попытка утвердить так называемую «афганоцентричную» модель государственного устройства с безусловным доминированием пуштунской элиты. Естественно, что такая установка талибов вызывает противодействие непуштунской элиты, в основном находящейся в эмиграции и апеллирующей к поддержке со стороны западных стран. Это обстоятельство проецируется и на существующее внешнее требование к руководству движения об этнической инклюзивности. Здесь необходимо вспомнить о дискуссии в экспертных и политических кругах в США в 2010-х гг., где отстаивалось и другое видение афганского государственного устройства: децентрализация страны и создание «Нового Северного альянса». Эта модель подразумевала, в частности, определенное изменение границ в регионе и создание за счет части территорий Афганистана, Ирана и Пакистана «независимого Белуджистана» (Сафранчук, 2017). В условиях существующего геополитического конфликта нельзя исключать, что администрация США может обратиться к этой модели при формировании своей афганской и региональной политики, оказав поддержку существующим афганским оппозиционным группировкам. Естественно, что подобное стало бы чрезвычайно критическим испытанием для движения талибов и его действий по восстановлению афганской государственности.

Список литературы

1. Босин Ю.В. (1999) Этнический фактор во внутриафганском конфликте (исторический анализ). *Восток* 5: 69–79.
2. Давыдов А.Д. (1998) Режим талибов: жесткая исламизация. *Афганистан: война и проблемы мира*: 47–57.

3. Катков И.Е. (1989) Социальные аспекты племенной структуры пуштунов. *Афганистан: история, экономика, культура*: 39–57.
4. Князев А.А. (2021) К истории афганского движения «Талибан» в середине – второй половине 1990–х гг. *Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки* 4: 13–21.
5. Конаровский М.А. (2014) Афганистан и Центральная Азия: некоторые вызовы после 2014 года и интересы России. *Ежегодник ИМИ* 1(7): 7–14.
6. Кудрявцев А.В. (2003) Феномен «арабских афганцев». *Ближний Восток и современность. Сборник статей* 17: 163–174.
7. Манна А.А. (2004) Понятие преступления и классификация уголовно-наказуемых деяний по мусульманскому уголовному праву. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки* 1: 107–116.
8. Мачитидзе Г.Г. (2022) «Аль-Каида» и «Талибан»: амбивалентное партнерство. *Мировая экономика и международные отношения* 66(4): 44–53.
9. Мунир М. (2011) Лайха для моджахедов: анализ кодекса поведения боевиков «Талибана» в соответствии с правом ислама. *ICRC*, No.881.
10. Сафранчук И. (2022) Капсула времени: перечитывая американские стратегии по Афганистану после их провала. *Пути к миру и безопасности* 2(63): 263–275. DOI: 10.20542/2307-1494-2022-2-263-275.
11. Сафранчук И.А. (2017) Альтернативные варианты американской политики в Афганистане. *Мировая экономика и международные отношения* 61(2): 5–12. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-2-5-12.
12. Сикоев Р. (1999) Политический облик афганской диаспоры. *Азия и Африка сегодня* 3: 31.
13. Сикоев Р.Р. (2004) Талибы: религиозно-политический портрет. М.: Крафт+. 256 с.
14. Сугралинов М.М. (2016) Ситуация в Афганистане в контексте угроз безопасности для ЦА (часть 2). *БОЛЬШАЯ ИГРА: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии* 01-02(46-47): 34–39.
15. Умнов А. Ю. (2002) Талибы и террористы – не одно и то же. *Мировая экономика и международные отношения* 3: 53–54.
16. Rashid A. (2001) *Taliban. The Story of the Afghan Warlords*. London: Pan Books. 200 p.

Comparative Politics. Volume 14. No. 1–2. January – June / 2023
DOI 10.46272/2221-3279-2023-1-2-14-79-96

ON THE ISSUE OF EVOLUTION OF TALIBAN MOVEMENT IN AFGHANISTAN

Dr **Alexander Al. Knyazev** – Leading Research Fellow, Center for Euro-Asian Studies, Institute for International Studies, MGIMO University; Professor, St. Petersburg State University.
ORCID: 0000-0002-8630-3365. E-mail: a.knyazev@inno.mgimo.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Acknowledgements. The research is funded by MGIMO University, Institute for International Studies Project № 2025-04-04.

Received July 11, 2023

Accepted August 3, 2023

Abstract: The article examines the changes taking place in the Taliban movement, in comparison with various episodes from Afghan history including their dependence on Pakistan, issues of fragmentation and consolidation in the movement itself. A comparative analysis of the Taliban's commitment to various interpretations of Islam and Sharia in the 1990s and after their second rise to power in 2021 is carried out. The author analyzes the dynamics of changes in the Taliban's policy in the field of interethnic relations, as well as the problems of their inclusion in the life of Afghan society. The relationship between the Taliban movement and international terrorist groups is also examined. The author draws attention to the stereotypical views regarding the Taliban, which are widespread in the world and prevent an objective assessment of this phenomenon.

Keywords: Taliban movement, Afghanistan, evolution, traditionalism, religious radicalism, terrorism, ethnopoltics

References:

1. Bosin Iu.V. (1999) Etnicheskiy faktor vo vnutriafganskom konflikte (istoricheskiy analiz). *Vostok* 5: 69–79.
2. Davydov A.D. (1998) Rezhim talibov: zhestkaia islamizatsiya. *Afganistan: voina i problemy mira*: 47–57. (In Russian).
3. Katkov I.E. (1989) Sotsial'nye aspekty plemennoi struktury pushtunov. *Afganistan: istoriya, ekonomika, kul'tura*: 39–57. (In Russian).
4. Kniazev A.A. (2021) K istorii afganskogo dvizheniya «Taliban» v seredine – vtoroi polovine 1990-kh gg. *Vestnik IuUrGU. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki* 4: 13–21.
5. Konarovskiy M.A. (2014) Afganistan i Tsentral'naiia Aziia: nekotorye vyzovy posle 2014 goda i interesy Rossii. *Ezhegodnik IMI* 1(7): 7–14. (In Russian).
6. Kudriavtsev A.V. (2003) Fenomen «arabskikh afgantsev». *Blizhnii Vostok i sovremennost'*. *Sbornik statei* 17: 163–174. (In Russian).
7. Machitidze G.G. (2022) «Al'-Kaida» i «Taliban»: ambivalentnoe partnerstvo. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia* 66(4): 44–53. (In Russian)
8. Manna A.A. (2004) Poniatie prestupleniia i klassifikatsiia ugovorno-nakazuemykh deianii po musul'manskomu ugovornomu pravu. *Vestnik Rossyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Iuridicheskie nauki* 1: 107–116. (In Russian).
9. Munir M. (2011) Laikha dlia modzhakhedov: analiz kodeksa povedeniia boevikov «Talibana» v sootvetstvii s pravom islama. *ICRC*, No.881. (In Russian).
10. Rashid A. (2001) Taliban. The Story of the Afghan Warlords. – London: Pan Books. 200 p.
11. Safranchuk I. (2022) Kapsula vremeni: perechityvaia amerikanskii strategii po Afganistanu posle ikh provala. *Puti k miru i bezopasnosti* 2(63): 263–275. DOI: 10.20542/2307-1494-2022-2-263-275. (In Russian).
12. Safranchuk I.A. (2017) Al'ternativnye varianty amerikanskoi politiki v Afganistane. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia* 61(2): 5–12. DOI:10.20542/0131-2227-2017-61-2-5-12. (In Russian).
13. Sikoev R. (1999) Politicheskii oblik afganskoi diaspori. *Aziia i Afrika segodnia* 3: 31. (In Russian).
14. Sikoev R.R. (2004) *Taliby: religiozno-politicheskii portret*. 256 p. (In Russian).
15. Sugralinov M.M. (2016) Situatsiia v Afganistane v kontekste ugroz bezopasnosti dlia TsA (chast' 2). *BOL'ShAia IGRA: politika, biznes, bezopasnost' v Tsentral'noi Azii* 01-02(46-47): 34–39. (In Russian).
16. Umnov A. Iu. (2002) Taliby i terroristy – ne odno i to zhe. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia* 3: 53–54. (In Russian).